

УДК 82-1

«СОТРИ СЛУЧАЙНЫЕ ЧЕРТЫ...» ИКОНИЧНОСТЬ В ПОЭЗИИ А.А.БЛОКА

В.В.Лепяхин

“ERASE ACCIDENTAL TRAITS...” ICONICITY IN THE POETRY OF ALEXANDER BLOK

V.V.Lepakhin

Сегедский университет (Венгрия), lepahin@mail.ru

Статья посвящена анализу пролога к поэме «Возмездие». Новый подход, с точки зрения иконичности и богословского подтекста пролога, позволяет выявить новые мотивы в этом стихотворении, а также уточнить взгляды поэта на призвание поэзии и предназначение художника, на его отношение к сотворённому Богом миру.

Ключевые слова: *Поэзия, художник, случайность и Промысл, альфа и омега, рай и ад, красота, символизм, иконичность мира и поэтического слова*

The article is dedicated to the analysis of the prologue to the poem „Retribution”. The new approach, taking into consideration the iconic and theological subtext of the prologue, discovers some new motives in the poem, and also clarifies the views of the poet on the vocation of poetry and on the destiny of the artist, and his relationship with the world created by God.

Keywords: *poetry, artist, chance and fate, alpha and omega, heaven and hell, light and darkness, beauty, symbolism, iconicity of the world and of the poetic text*

Начало *Пролога* к поэме *Возмездие* (1911) — один из самых популярных отрывков в поэзии Блока. С этим согласятся как литературоведы, так и критики. Да пожалуй, и читатели. Его очень часто цитируют, чаще, чем любой другой. Он и выглядит как отдельное законченное стихотворение.

*Жизнь — безъ начала и конца.
Насъ всѣхъ подстерегаетъ случай.
Надъ нами — сумракъ неминучій,
Иль ясность Божьяго Лица.
Но ты, художникъ, твердо въруй
Въ начала и концы. Ты знай,
Гдѣ стерегутъ насъ адъ и рай.
Тебѣ дано безстрастной мѣрой
Измѣрить все, что видишь ты;
Твой взглядъ — да будетъ твердъ и ясенъ,
Сотри случайныя черты —
И ты увидишь: міръ прекрасенъ.*

Отрывок приводится по автографу Блока 1916 года. Предлагаю взглянуть на пролог с точки зрения иконичности и, в частности, иконичности мира, художественной иконичности и иконичности самого поэтического слова.

«Жизнь — безъ начала и конца». Как часто цитируют эту строку! И часто представляется степное раздолье, вольный ветер и разгульная жизнь. Но жизнью без начала и конца может быть только вечная жизнь в Царстве Божием. Только она не имеет начала и не имеет конца. Это жизнь во Христе Спасителе,

ибо Он сказал: «Азъ есмь Путь и Истина и Жизнь» (Ин. 14: 6) и в другом месте: «Азъ есмь Воскресение и Жизнь». Конечно, имеется в виду Живот вечный в Царстве Небесном. И Блок как истинный символист уже в первой строке увязывает жизнь земную с жизнью небесной, ибо жизнь земная не имеет никакого смысла, если она не соотносится жизнью вечной, если она в своём конце не втекает в неё.

«Насъ всѣхъ подстерегаетъ случай». Как следует понять эту строку, это утверждение? Можно, конечно, говорить здесь о фатализме, о судьбе, о предопределении, о провиденциализме, о случайности. Но попробуем взглянуть на проблему случая иконично. У Господа Бога нет ничего случайного, Промысл Божий всемогущ и абсолютен. Без воли Божией волос не упадёт с головы человека (Лк. 21: 18). Пушкин с присущей ему глубиной и афористичностью однажды назвал случай «мощным мгновенным орудием Провидения» Божия [1, т. 7, с. 100]. Поэтому случай действительно «подстерегает» человека, когда тот уклоняется от истинного пути, когда уходит в сторону. Случай имеет ту особенность, что человек вначале не чувствует в нём проявления воли Божией и только спустя время (иногда довольно долгое) понимает, что имел дело не со случайностью, а с явлением воли Божией. Итак, выражение «случай подстерегает» надо понимать как заботу и попечение Господа о человеке, как действие Промысла Божия, направляющего человека на путь истинный.

Из поэм. Возмездие:

Изнав — без начала и конца.
 Как века подступают сумрак.
 Над нами — сумрак неминуемый,
 Иль ямоу Божьего Лица.
 Но ты, художник, твердо вступь
 В начало и конец. Ты — знаешь,
 Твои спускают нас ад и рай.
 Твое дело безстрастно и строго
 Изобрать все, что увидит ты;
 Твой взгляд — да будет тверд и ясен
 Среди сумрачных утроб —
 И ты увидишь: мир прекрасен.

Александр Блок.

13 VII 1916.

«Надъ нами — сумракъ неминуемый, / Иль ясность Божьяго Лица». Какой же выбор стоит перед человеком? Блок не сомневается: перед человеком два пути. Здесь повторяется мысль Дидахи, Учения Двенадцати Апостолов: «Есть два пути: один — жизни и один — смерти; велико же различие между обоими путями» [2, с. 16]. Рукопись Дидахи была найдена в 1883 году и сразу переведена на русский язык. Произведение, надо полагать, было известно Блоку, поскольку введение к одному из изданий написал Владимир Соловьёв. Итак, путь смерти ведёт в «сумрак неминуемый», в ад. Интересна здесь такая деталь, как сумрак. Обычно ад называют тьмой, существует даже выражение «тьма ада», «адская тьма», но согласно другим представлениям, в аду будет именно

вечный сумрак, свете и тьмы, так что грешники будут не только слышать, но и неясно видеть мучения других осуждённых.

Другой путь ведёт к Богу, Лик которого человек увидит в Царстве Небесном. Упоминания о Лице Божиим занимают особое место в Священном Писании. Господь отвращает Лицо Свое от грешников, даже скрывает его совсем, праведники же ходят пред Лицем Божиим (Пс. 9: 32; 10: 7; 21: 25). Если человек пребывает в истине, он взирает на Лицо Божие (Псал. 16: 15), праведник будет ходить «пред Лицем Божиим во свете живых» (Пс. 55: 14). Когда воссияет Лицо Господа, праведники спасутся (79: 4, 8, 20). «Ищите Лица Его всегда» — призывает Псалтырь (Псал. 104: 4). Искать Бога, значит искать Его Лицо, это начало

Боговедения. «Непорочные будут обитать пред Лицем Твоим» — утверждается там же (Пс. 139: 14). Итак, Лицо Божие — это и путеводитель к Богу здесь на земле, и объект молитвы, и цель Боговедения, и источник Света Божественного (Псл. 66: 2), и вместе с тем образ Царства Небесного, в котором пребывают праведники. Прочитанные стихи взяты из Псалтыри, но и в других книгах Священного Писания мы найдём такое же понимание Лица Божия. Блок не случайно упоминает «ясность Божия Лица», которая свидетельствует о верном пути праведника, каковым призван стать истинный поэт.

«Но ты, художникъ, твердо въруй / Въ начала и концы». Твёрдая вера, конечно, нужна художнику, но ключевое выражение здесь — «начала и концы», которые упоминаются уже в первой строке поэмы. О каких началах и каких концах идёт речь? В понимании начала и конца можно выделить два аспекта: пространственный и временной. В пространстве начало есть сотворение мира, тогда же по Промыслу Божию предусмотрен и его конец, конец света. Во времени начало также есть сотворение мира, ибо Господь пребывает в вечности. В шестидневном акте творения время как бы выпадает из вечности, а в конце веков «вбирается» в неё, растворяется в ней. И это конец времени и начало жизни вечной, у которой нет конца. Но у неё нет и начала, как не может быть начала у вечности. В Откровении святого Иоанна Богослова Господь говорит о Себе: «Азъ есмь Алфа и Омега, начатокъ и конецъ» (Откр. 1: 8). Итак, эту строку Блока можно понять только в свете Откровения святого Иоанна Богослова. У художника должно быть эсхатологическое сознание, начала для художника — это Бог, но также и конец для художника — это Бог. Вечная жизнь в Царстве Небесном уже не имеет конца. Верить в начала и концы — это значит верить в Альфу и Омегу, верить в Бога, в котором начала и концы антинормично совпадают, ибо Господь пребывает в вечности — вне времени и вне пространства.

«Ты знай, / Гдѣ стерегутъ насъ адъ и рай». Здесь повторяется глагол стеречь, только во второй строке подстерегает случай, а здесь ад и рай. Эта строка усиливает мысль предыдущих и с точки зрения выбора одного из двух путей, и с точки зрения начала и конца, и с точки зрения роли случая, случайности, и с точки зрения веры. Художник обязан различать добро и зло, он не должен стоять «над схваткой» между добром и злом, его призвание — ясно видеть, где путь, ведущий в ад, и где путь, ведущий в рай. Сила искусства такова, что хочет того художник или нет, но он часто с огромной силой воздействует на читателя. И чем больше талант художника, тем более сильное влияние он оказывает, тем сильнее его ответственность перед людьми и перед Богом, от которого он получил свой талант. Ведь талант можно не только закопать в землю, за что евангельский ленивец был сурово наказан (Мф. 25: 24—30), но его можно направить в другую сторону, удаляющую от Бога, можно направить даже против Бога. И это уведёт человека в ад. Призвание же художника по мере сил увлекать человека, говоря словами Лер-

монтова, «на тесный путь спасенья» [3, т. 1, с. 68], который ведёт в рай, в Царство Небесное.

«Тебѣ дано безстрастной мѣрой / Измѣрить все, что видишь ты». Ключевое слово в этом двустишии — бесстрастный. Действительно ли художник должен быть бесстрастным и в каком смысле? Ведь как раз земные страсти он как правило и изображает, а поэтому должен знать их не понаслышке. Но соприкосновение со страстями не приносит ли вред художнику, и душевный и эстетический? Вспомним Лермонтова: «Не обвиняй меня, Всесильный, / И не карай меня, молю, / За то, что мрак земли могильный / С её страстями я люблю» [3, т. 1, с. 68]. Лирический герой поэта кается в том, что он поддаётся мрачным земным страстям; кается, что струя «живых речей» Божиих всё реже входит в душу; кается, что ум находится в заблуждении и удаляется от Бога, что дикое волнение помрачает очи, что песни его — грешны, что молится он в них не Богу. Но если не Богу, то, значит, лукавому, нечистому духу, ибо среднего пути в данном случае нет.

Бесспорно, Блок точен в выражениях. Художник призван освободиться от страстей, а не воспевать их. Пребывая в страстях, он может описывать их точно и убедительно, но только освобождаясь от них, он начинает познавать их истинную цену. Художник призван быть бесстрастным и бесстрастно смотреть на мир. Страсти застилают духовное зрение, и мир, творение Божие предстаёт в другом свете, точнее, не в свете, а как бы в упомянутом сумраке (Блок), даже во мраке (Лермонтов). Страсти удаляют человека от Бога, а потому замутняется чистый божественный источник художественного вдохновения, и поэт перестаёт ясно видеть красоту творения Божия. Здесь мы видим, что опять призвание поэта и подвижника совпадают, потому что главная задача аскетизма — это борьба со страстями.

«Твой взглядъ — да будетъ твердъ и ясенъ...». Твёрдость и ясность взгляда обретается художником в борьбе со страстями. Твёрдость даётся непоколебимой верой в Бога и доверием к Богу. Апостол Иаков пишет: «Человек с двоящимися мыслями не твёрд во всех путях своих» (Иак. 1: 8). Апостол же Петр призывает: «...Братия, более и более старайтесь делать твёрдым ваше звание и избрание; так поступая, никогда не преткнетесь» (2 Петр. 1: 10). Апостол Павел обращается к верным: «...Будьте тверды, непоколебимы», и в другом стихе: «...Будьте мужественны, тверды» (1 Кор. 15: 58, 16: 13). Это христианское понимание твёрдости.

Второе, что необходимо взгляду художника — ясность. Здесь возникает перекличка с четвёртой строкой, в которой говорится о ясности Лица Божия. Ясность даётся Божией Премудростью, которая говорит: «Все слова уст моих справедливы... все они ясны для разумного» (Притч. 8: 9). Ибо Премудрость Божия есть «дух разумный, святой... ясный» (Прем. 7: 22). И действительно, как художник может описать или изобразить мир невидимый, мир запредельный, если он сам видит его нетвёрдо и неясно?! Риторический вопрос.

Здесь уместно сказать также о духовном зрении. Истинному художнику мало иметь зрение фи-

зическое, каким бы совершенным оно ни было. Он призван очистить своё зрение, обрести очи духовные, которые откроют перед ним «мир иной», к которому так стремились символисты, откроют перед ним мир божественных первообразов. Феофил Антиохийский писал: «...Как телесные глаза у зрячих людей видят предметы этой земной жизни,.. так точно есть... и очи души, чтобы видеть Бога, и Бог бывает видим для тех, кто способны видеть Его, у кого именно открыты очи душевные» [2, с. 458-459]. То же самое Феофил говорит и о слухе, об «ушах сердца» [2, с. 459], способных слышать Слово Божие. Здесь Блок перекликается с Пушкиным, с его бессмертным «Пророком». Шестикрылый Серафим дарует поэту-пророку не только духовное зрение («Перстами легкими как сон / Моих зениц коснулся он: / Отверзлись вещие зеницы...» [1, т. 2, с. 304], но и слух. И сердце. И язык.

Следующие строки из вступления цитируются особенно часто: «*Сотри случайные черты — / И ты увидишь: миръ прекрасенъ*». Здесь повторяется мотив случайности, который впервые звучит во второй строке. Мир — прекрасен, мир есть творение Божие. Всё, что в нём есть греховного, уродливого, нечистого, привнесено человеком вследствие грехопадения прародителей. Всё это «случайно». Зло не имеет бытия в самом себе. Зло — это *не-сущее*, согласно общему мнению Святых отцов (οὐκ ὄν — свт. Василий Великий, οὐκ οὐσία — Климент Александрийский, οὐκ οὐτα — святитель Афанасий Великий) [4, с. 263-264]. Зло — это паразит на теле добра. Случайные черты — это проявления зла, греха, порока, которые как шелуха слетают с добра, если человек обращается к Богу в покаянии и молитве. Задача художника в том и состоит, чтобы стирать случайные черты в творении Божию и показывать его в первозданном виде. Призвание художника состоит в том, чтобы, при изображении человека, помнить, что он сотворён по образу и подобию Божию, а всё злое, уродливое, нечистое суть наносное, оно случайно. Если сосредоточить своё внимание на «случайных чертах», то получится карикатура на человека. Художник обязательно скажет неправду о мире и человеке, если не сотрёт «случайные черты».

Уродливое — случайно. Прекрасное — закономерное, оно лежит в основе мира, ибо Бог сотворил мир по законам красоты. Она просто сокрыта, она потемнела от греха. Задача искусства — стирать случайные черты и выявлять первообразы, являть мир как Божие творение, показывать его иконичность, неувядающую красоту видимого мира и по мере духовных сил заглядывать духовными очами в мир невидимый, искать вдохновения именно в нём.

На этой афористической строке обычно и заканчивают цитировать *Пролог* к поэме. На ней закончил его и Блок в автографе 1916 года. Однако заключительным аккордом отрывка звучат следующие строки:

Познай, гдѣ свѣтъ, — поймешь, гдѣ тьма.

Пускай же все пройдетъ неспѣшно,

Что въ міре свято, что въ немъ грѣшно,

Сквозь жаръ души, сквозь хладъ ума [1, т. 2, с. 217].

Это четверостишие уточняет и усиливает идею *Пролога*. Художник призван познать свет. При чтении этой строки читатель вспоминает прежде всего знаменитые слова апостола Иоанна: «Бог есть свет, и нет в Нём никакой тьмы» (1 Ин. 1: 5). Познать Бога — значит познать Свет, познать Свет — значит познать Бога. Художник, который не познал Свет, ходит во тьме, перед ним закрыты образы и первообразы невидимого мира, он может писать только о земном, а небесное ему недоступно.

Обратим внимание и на очердность познания в этой строке. Нередко можно слышать, что надо сначала познать зло, чтобы потом на его фоне оценить добро, надо познать тьму, чтобы по достоинству оценить свет. Но Святые отцы считают этот путь ложным. Игры со злом и тьмой могут привести к тому, что человек уже не сможет из них выбраться, он теряет способность возвращения к добру и свету.

Исследователи агиографии и иконоведы отметили следующее явление. Некоторые святые в прошлом были разбойниками, пьяницами, блудниками, но победили грех в себе и очистили душу свою до святости. Однако следы этой страшной борьбы с грехом, настоящих сражений с лукавым духом заметны как в их житиях, так и на их иконах. Другие же святые как бы с детства были избраны и предназначены к святости: их путь чист и ясен. Может быть, наиболее удачным примером здесь может послужить творчество преп. Андрея Рублёва и Феофана Грека. Святые Феофана представляют первый тип святости, они прошли через страшную неимоверно тяжёлую борьбу с врагом рода человеческого, и следы этой борьбы читаются в их ликах. Свет, которым облиты их лики и одеяния, идёт извне, Господь осеняет их Своим Светом, посылает им Свет как награду. Святые же преподобного Андрея настолько чисты и ясны, что они сами источают свет, который у них внутри, которого они исполнены и преисполнены, они — «чада света», по выражению апостола Павла (Еф. 5: 8). Поэтому и Блок написал о своём лирическом герое, о поэте: «Он весь — дитя добра и света, / Он весь — свободы торжество!» [5, т. 2, с. 150].

Последние две строки представляют немалый интерес. Стремление к свету не означает полное незнание тьмы. Просто надо через свет смотреть на тьму, а не через тьму на свет, как призывает лукавый. Поэт твёрдо и ясно должен видеть, что свято и что грешно в этом мире, он должен различать добро и зло. Но жар души предназначен для святости, а зло, тьма, грех пропускаются чрез «хлад ума». Здесь нельзя не вспомнить о призыве апостолов Петра и Павла: «Трезвитесь, бодрствуйте» (1 Петр. 5: 8; 1Фесс. 5: 6). «Хлад ума» и означает на поэтическом языке это трезвение и бодрствование, к которому призывали все подвижники, все аскеты. Именно бодрствование и трезвение помогают разглядеть грехи и искушения, отсеять нечистые помыслы, перебороть их.

Блок считал поэму незаконченной, о чём писал в предисловии к ней. Если же обратиться к концу третьей части, то возникает невольное чувство завершенности поэмы. В частности, там встречаются следующие мотивы: способность поэта слухом по-

стичь «жизнь иную»: «Тогда — остановись на миг / Послушать тишину ночную: / Постигнешь слухом жизнь иную, / Которой днём ты не постиг» [5, т. 2, с. 254]. Здесь речь идёт также о космической музыке. И опять нельзя не вспомнить Феофила Антиохийского и его «слух сердца», а также пушкинского *Пророка*: «Моих ушей коснулся он, / И их наполнил шум и звон: / И внял я неба содроганье, / И горный ангелов полет, / И гад морских подводный ход, / И дольней лозы прозябанье» [1, т. 2, с. 304].

У поэта-пророка не просто обострённый, совершенный слух, у него новый слух. Точно так, как духовными очами чистого сердца он видит «ясность Божия Лица», так новым слухом он слышит «горный ангелов полёт».

Далее в финале третьей части встречается понимание Неба как Книги (даже Книги Книг), которую поэт призван читать. Здесь, во-первых, слово поэтическое, слово человеческое увязывается со Словом Божиим, во-вторых, Блок указывает путь истинному символизму: надо научиться читать Книгу Небес и в ней искать источник вдохновения.

Не менее значительно звучат в финале третьей части следующие строки: «Всё вспыхнет в сердце благодарном, / Ты всё благословишь тогда» [5, т. 2, с. 254]. Два ключевых слова употребляет поэт в этих строках: *благодарное* сердце поэта, в котором вспыхивает любовь к миру и к человеку и принятие с *благословением* мира, сотворённого Богом, благодарное признание Промысла Божия во всём. О благодарении не раз говорится в Новом Завете. Апостол Павел призывает учеников: «За всё благодарите: такова воля Божия» (1 Фесс. 5: 18; ср. Еф. 5: 20, 1 Фесс. 2: 13 и др.). Благодарение носит универсальный характер: благодарить следует не только за дары Божии, но и за несчастья, посланные испытания, ибо и они — от Бога. Здесь опять нельзя не вспомнить Лермонтова: «За всё Тебя благодарю я».

В связи с *благословением* можно напомнить евангельский стих; Господь призывает учеников: «Благословляйте проклинающих вас» (Мф. 5: 44), позже апостол Павел учил благословлять гонителей и злословящих (Рим. 12: 14; 1 Кор. 4: 12). Итак, благодарение и благословение помогают поэту, художнику очистить духовное зрение, обрести очи духовные, поновому взглянуть на мир, принять его во всей его противоречивости.

В конце следует завершающий аккорд поэмы, последняя строка: *А мирь — прекрасенъ, какъ всегда* [5, т. 2, с. 254]. Здесь несомненная перекличка с *Прологом*. Обрети духовное зрение и ты увидишь: мир есть икона Божия. Так поэма, несмотря на отсутствие ненаписанного эпилога, получает завершённость: мир прекрасен, достаточно стереть случайные черты.

В заключение несколько слов об иконичности. Нельзя не заметить, что в данной статье об иконичности говорится в нескольких смыслах. Во-первых, мир, согласно с учением Святых отцов, иконичен, он есть икона Божия. Во-вторых, художник призван обладать иконичным мировосприятием, видеть мир не как живописную картину, а как икону Творца, как совокупность скрытых первообразов. В-третьих, на основании стихотворения Блока можно говорить об иконичном символизме или, по крайней мере, о его возможности, поскольку икона, будь то живописная или словесная, в православном искусстве всегда символична. Далее, можно говорить об иконичности конкретного стихотворения (рассказа, повести, романа). И, наконец, мы говорили, об иконичном подходе к интерпретации и анализу художественного произведения, который позволяет выявить иконичность в конкретном произведении, что, конечно, не отменяет возможности других подходов.

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука, 1978.
2. Ранние Отцы Церкви. Антология. Брюссель: Жизнь с Богом, 1988. 734 с.
3. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Л.: Наука, 1979.
4. Булгаков Сергей. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Путь, 1917. 426 с.
5. Блок А. Стихотворения. Поэмы. Театр: В 2 т. 1908–1921. Л.: Художественная литература, 1972.

References

1. Pushkin A.S. Full coll. of works in 10 vols. Leningrad, 1978.
2. Rannie Ottsy Tserkvi. Antologiya [Early Church Fathers. Anthology]. Bryussel', Zhizn' s Bogom Publ., 1988. 734 p.
3. Lermontov M.Yu. Coll. of works in 4 vols. Leningrad, 1979.
4. Bulgakov Sergiy. Svet Nevecherniy. Sozertsaniya i umozreniya [Unfading Light. Contemplation and meditation.]. Moscow, 1917. 426 p.
5. Blok A. Stikhotvoreniya. Poemy. Teatr [Verses. Poems. Theater]: V 2 t. 1908–1921. Leningrad, 1972.